

ДОМ ПОЛНЫЙ ЭХО

Конюшенко Егор

Егор Конюшенко
Дом Полный Эхо

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Дом Полный Эхо / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Переезд в старый особняк должен был стать началом новой жизни, но с первого же дня Мира понимает: этот дом не просто пуст — он слушает. Эхо здесь живёт по своим законам: оно повторяет слова с пугающей задержкой, искажает интонации и постепенно начинает звать её по имени. Чем дольше они остаются, тем яснее становится, что эхо — не отражение звука, а нечто голодное, что питается голосами живых. Что скрывается в стенах дома и чем придётся заплатить, чтобы заставить его замолчать?

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Егор Конюшенко

Дом Полный Эхо

Мы свернули с трассы на заросшую гравийную дорогу, и я сразу почувствовала, как внутри всё сжалось. Андрей вёл машину медленно, вглядываясь в навигатор, а я смотрела на деревья, которые с обеих сторон подступали так близко, что ветки царапали окна. Дом показался не сразу — сначала из-за поворота вынырнула покосившаяся калитка, потом длинный забор с облупившейся краской, и только потом сам особняк. Он стоял в глубине участка, двух-этажный, с тёмными окнами и крышей, поросшей мхом. Выглядел он так, будто его забыли здесь лет пятьдесят назад и с тех пор ни разу не проветривали.

Мы вышли из машины. Воздух пах сыростью и прелыми листьями. Андрей достал ключи, которые нам передал нотариус, и долго возился с замком, а я стояла у крыльца и разглядывала фасад. Где-то наверху хлопнула ставня, хотя ветра почти не было. Я вздрогнула, но ничего не сказала. Андрей наконец открыл дверь, и она со скрипом подалась внутрь, выпустив на нас холодный, спёртый воздух, будто дом всё это время не дышал.

Внутри было темно, и мы включили фонарики на телефонах. Пыль висела в лучах света, как взвесь в воде. Первое, что я заметила, — это тишина. Не обычная деревенская тишина, а какая-то плотная, ватная, в которой каждый наш шаг звучал слишком громко. Половицы скрипели под ногами, и звук уходил в темноту, а потом возвращался — но не сразу, а с задержкой, и не один раз, а несколько, как будто кто-то повторял его в дальних комнатах. Я остановилась посреди прихожей и прислушалась. Андрей уже ушёл в гостиную, и его голос донёсся оттуда приглушённо: «Мира, иди сюда, тут камин здоровенный!» И сразу же, поверх его слов, я услышала, как эхо повторило моё имя — не так, как он его произнёс, а тише, с придыханием, будто его шепнули из соседней комнаты.

— Андрей, — позвала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Ты слышал? Эхо какое-то странное.

Он выглянул из гостиной, подсвечивая лицо фонариком снизу, отчего черты его казались резкими и чужими.

— Какое эхо? Обычное эхо в пустом доме. Потолки высокие, мебели нет, вот и гуляет звук.

— Оно повторяет не так, как должно. Оно как будто... тянется за словами.

Андрей усмехнулся и поманил меня рукой.

— Не выдумывай. Пойдём, посмотришь, сколько тут места.

Я пошла за ним, но уже через пару шагов снова остановилась. В тишине, которая наступала между нашими шагами, эхо продолжало жить своей жизнью. Оно повторяло скрип половиц, но не в том порядке, в каком мы на них наступали, а как будто кто-то шёл по тем же половицам следом за нами, чуть отставая. Я оглянулась через плечо. За спиной была только темнота прихожей и длинный коридор, уходящий вглубь дома, где свет фонарика Андрея выхватывал из мрака очертания старого комода и облезлые обои. Никого не было. Но я кожей чувствовала, что дом не пустой, даже если в нём нет ни одной живой души.

— Андрей, — сказала я, не оборачиваясь, — а если это эхо не просто от пустых комнат?

Он уже стоял у камина, трогая резную полку, и ответил рассеянно:

— А от чего ещё? От сквозняков, может. Тут щели, наверное, как решето.

Я хотела возразить, что сквозняки не повторяют шёпотом моё имя, но не стала. Вместо этого я подошла к окну, протёрла рукой пыльное стекло и выглянула на заросший двор. На мгновение мне показалось, что в отражении за моей спиной кто-то стоит — смутная тёмная фигура у самого входа в гостиную. Я резко обернулась. Там никого не было, только пыль мед-

ленно оседала в луче фонарика, и эхо, как затаившееся животное, ждало, когда мы снова заговорим, чтобы вернуть нам наши голоса — но уже изменёнными.

Я долго не могла уснуть в ту ночь, ворочалась с боку на бок, и, когда наконец провалилась в сон, он был неглубоким, тревожным. А потом я проснулась оттого, что в комнате стало холодно, как в погребке. Одеяло сбилося в ноги, и по голым плечам шёл озноб.

Какое-то время я лежала неподвижно, глядя в темноту, и пыталась сообразить, где нахожусь. Пахло пылью, старой штукатуркой и ещё чем-то кисловатым — наверное, отсыревшими обоями. Рядом сопел Андрей, зарывшись лицом в подушку. За окном, кажется, шумел ветер, но здесь, внутри, всё тонуло в той самой плотной тишине, которую я почувствовала ещё днём.

Сначала я подумала, что мне почудилось. Где-то в глубине дома, далеко за дверью спальни, раздался шёпот. Он был такой тихий, что его легко можно было принять за сквозняк. Но потом я разобрала слово. «Мира». Оно прозвучало не как вопрос и не как зов, а как напоминание — будто кто-то произнёс его просто так, чтобы проверить, как оно отзовется. Я замерла, приподнявшись на локте. Шёпот повторился. Теперь он был чуть громче, но всё ещё тихий, как дыхание в трубку. «Мира». И снова. «Мира». С каждым разом голос набирал силу, но интонация оставалась чужой — не мужской, не женский, а какой-то смазанный, будто его собирали из обрывков разных звуков.

Я нащупала руку Андрея и сжала её. Он дёрнулся, перевернулся на спину и что-то пробормотал спростонья.

— Андрей, — прошептала я. — Проснись.

— М-м? — он приоткрыл глаза и уставился в потолок. — Что случилось?

— Кто-то зовёт меня. В коридоре. Слышишь?

Я замолчала, и мы оба прислушались. Тишина стояла такая, что звенело в ушах. Шёпот исчез, будто его и не было. Только дом где-то потрескивал — остывал после дневного тепла.

— Ничего не слышу, — сказал Андрей хриплым голосом. — Тебе приснилось.

— Нет, — я села в постели, всё ещё всматриваясь в темноту за приоткрытой дверью. — Оно повторяло моё имя. Раз за разом. Становилось всё громче.

Андрей вздохнул, потянулся к телефону и включил фонарик. Луч света выхватил обшарпанную стену, старый шкаф с треснувшим зеркалом и кусок коридора с застывшей люстрой. Никого.

— Мира, это просто дом. Старый дом. Он гудит, скрипит, оседает. Ты слышала, как эхо работало днём. Вот и теперь мозг достроил знакомое слово.

— Я не спала, — повторила я. — Я отчётливо слышала: «Мира». Как будто звали из глубины коридора.

Он сел, обнял меня за плечи. От него пахло тёплым сном и нашей квартирой, которая осталась в городе.

— Хочешь, я встану и проверю? Там никого нет. Дверь заперта.

Я покачала головой, хотя на самом деле не была уверена, что хочу, чтобы он выходил. Мне вдруг стало страшно не за себя, а за него. Будто если он выйдет за дверь, коридор проглотит его голос, и эхо вернёт уже не его.

— Не надо. Просто не спи, ладно? Побудь со мной немного.

Андрей кивнул, погасил фонарик и снова лёг, но руку с моего плеча не убрал. Я тоже опустила голову на подушку, но ещё долго лежала с открытыми глазами. Шёпот больше не возвращался. Вместо него в доме стояла такая тишина, что я слышала собственный пульс. И где-то за стеной, в глубине коридора, эта тишина ждала, когда я снова заговорю, чтобы подхватить моё слово и утащить его в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.